

NOMINATIONS OF A HUMAN WITH A ZOONYM COMPONENT (BASED ON THE TATAR DIALECTS OF THE SOUTH OF THE TYUMEN REGION)

Guzel Chahvarovna Faizullina,

Tobolsk Pedagogical Institute named after D. I. Mendeleev,
58 Znamenskaya Str., Tobolsk, 626150, Russian Federation,
utgus@mail.ru.

The article discusses metaphorization of zoonyms in the dialectal linguistic world-image, which is the focus of the current research. Tatar dialectal linguistic world-image manifests such external and internal characteristics of a person as diligence, grace, musicality, external beauty, stupidity, distraction, servility, immodesty, idleness, etc. through the images of animals (including birds, insects and fish). The inner form of the word contains quite a wide range of features: appearance, physical characteristics, habits, customs, peculiarities of perception, a manner of walking, birds singing, smell, etc.

Key words: metaphorization, Siberian Tatars, Tobolsk and Irtysh dialects, nominations of a human, zoonym.

Introduction

The present linguistic and cultural study is devoted to the problem of representing human images in the dialectal linguistic world-image (based on the Tatar folk dialects of the south of the Tyumen region). The choice of the research topic is determined by the interest in the study of anthropocentric factors in the language, in particular, in description of the conceptual sphere of “human”: the necessity of selecting, systematization and description of the recorded language material, representing dialectal linguistic world-image.

The following scholars contributed to the study of the above mentioned problem: Kh. Ch. Alishina [Alishina], N. D. Arutyunova [Arutyunova], G. R. Galiullina [Galiullina], A. I. Gelyaeva [Gelyaeva], R. R. Zamaletdinov [Zamaletdinov], E. S. Kubryakova [Kubryakova], V. A. Maslova [Maslova], R. S. Nurmukhametova, A. Sh. Yusupova [Tatar Telenen Etnomadaniyat Suzlege] and many others.

The object of the study are nominations of humans with a zoonym component in the Tatar folk dialects in the south of the Tyumen region. The subject of the study is the semantics and structure of both lexical units and idioms. The article demonstrates that idioms, formed by the model of “zoonym + somatism” and “noun / adjective + zoonym”, are frequent in ethnic dialects. Particular attention is paid to the semantic analysis of linguistic units that are not registered in dictionaries. It is proved that the use of zoonym in a new nominating function contributes to a polysemantic word structure.

The present research of the territorial dialects in Tatar linguistics is devoted to various aspects:

descriptive, comparative study with other languages, historical and areal. A number of scholars focused on the names of birds in the literary language, but dialectal names remain understudied. Moreover, territorially bound idioms of the Tatar language remain under investigated. The relevance of the study of dialectal idioms only increases in modern conditions, when the borders between folk dialects are being erased.

The aim of the study is to analyze dialectal human nominating with a zoonym component in a linguoculturological aspect. On the one hand, the dialect, as a natural form of a language development, retains the ancient foundations in itself, which were interpreted in an entirely unique way. On the other hand, it reflects the processes of contact with other people. In this regard, the study of secondary nominations in dialects seems urgent. The scientific novelty of the work involves collecting unique linguistic data, and a detailed analysis of the polysemantic structure of dialect words or idioms.

Methods and materials

The material of the study includes transcripts of Tatar folk dialects and folklore materials of the south of the Tyumen region, which we collected during the folklore dialectological expedition in 2014–2016. We used materials from lexicographical and folklore sources, dialect and etymological dictionaries, as well as the information from scientific papers on the culture of the Siberian Tatars.

Studying nominations of a human with a zoonym component we used descriptive and analytical, comparative, linguistic and cultural methods and techniques, and interviews with informants.

We used the contrastive method to identify dialectal units definitions on the background of the literary language.

Results

The image of the human as a fragment of the dialect linguistic world-image is represented in the cultural space of the south of the Tyumen region through secondary naming of wildlife.

Zoonyms have always been the focus of linguists' attention as they are the core layer of the vocabulary of any national language. In modern linguistics there is an active study of secondary naming: idioms with a zoonym component [Averina], [Mekhtikhanly], [Sakaeva], [Serashkova], [Yusupova], zoocentric proverbs [Antonova], [Omer], zoonyms used as addressing [Gainetdinova], nominations of a human [Metelskaya], etc. Aspect study of zoonyms is being actualized: linguists focus on such aspects as gender [Gulik], linguistics and culture [Samarin], [Sholin, Smirnov], [Galimov], emotions [Zakirov], etc.

Nominations of a human with a component denoting a wild animal

Dialect vocabulary is multifaceted: it is characterized by developed synonymy and variability. Nominations of a human with the component "аӱу" (a bear) are nation-wide and describes a strong, well-built man. Let us consider the features of existence of the word in Tatar dialects of the south of the Tyumen region. We found the unit "аӱу пала" (a bear cub), which means "a clumsy well-built short man", in the speech of the residents of the Vagaysky region.

Siberian Tatars are followers of Islam. However, the cultural heritage preserved some elements of paganism, which underlie in the modern linguistic world-image. For example, incantations and totem vocabulary are an echo of archaic ideas about the world. Until the present days some localities of Vagaysky and Tobolsk regions perceive "аӱу" (a bear) as a tribal totem. In all likelihood, the appearance of the wild animal served as a basis for the semantic shift, because men in this genus are well-built, short and broad-shouldered.

The taboo name of a large bear "наб^әай" is used in the meaning of a clumsy and bow-legged man: *Наб^әай авырып китенге* (the old man is unwell). Moreover, the word "аӱу" is used in spell-expressions against an evil eye, *"Аӱу күсле пулсын, күкерт күсле пулсын, күк күсле пулсын, йәшел күсле пулсын, күк пулып күкрәсен, йәшен пулып йәшинәсен"*, *"Минем палам түгел, аӱу паласы, нүре паласы, муңца ташы, нүрәнә*

пашы, нүре теуе" [Bolshoi dialektologicheskii slovar tatarskogo iazyka, p. 29].

Thus, the basis of a semantic shift is determined by the physique and appearance of a bear: clubfoot, strength and stockiness. The considered units usually refer to men.

Nominations of a human with the component "тийен" (a squirrel) in the dialects of the residents of the Vagaysky and the Tobolsk regions is distinguished by its polysemantic structure: 1) a person who is quickly cracking pine nuts: *Тийен қосогомны пәтәртә* (A squirrel has eaten my nuts); 2) a person who is able to deftly climb the cedar: *Шал тийен илле қаңық сугыпты* (That squirrel has stuffed fifty bags). Therefore, such physical qualities of a squirrel as agility and speed are transferred to a person.

The idiomatic fund of the Tatar folk dialects consists of both nation-wide units (*қуяан ирен* – "hare lip") and regional units (*қуяан теи* – "hare teeth"). The appearance of a hare underlies in the basis of semantic shift. In Melekessky and Lyambirsky dialects "*қуяаным*" (my hare) is a hypocorism addressed to young children [ibid., p. 334], and is, obviously, related to the small size of the animal.

The word "қуяан" is used in the proverb "*Пер төнкә қуяан царық*" (lit. "the shoes made of hare skin serve one night"). Leather shoes for walking through the swamp called "*царық*" [Tumasheva, p. 235] were made of processed horse hide and cow hide: *күләниш царық* (shoes with long bootleg) and "*царық паш*", "*пеценле царық*" (calf-length boots). These shoes were short-lived. The combination of the words "*қуяан царық*" (shoes made of processed rabbit skin) in the proverb allegorically describe something unreliable, that does not help for a long time. The lexical unit "*царық*" is also a part of other dialectal idioms: *царық нит* (leather shoes [as] a face) / *царых нит* – "a shameless person", *церек царық* (worn-out leather shoes) – "an arrogant person". Lack of quality in this footwear becomes the basis for the formation of the person's image, who is devoid of merits and has negative sides of character.

Nominations of a human with a domestic animal component

In national dialects the lexical unit "*тууар*" transmits the notion "cattle" and is a component of the idiom "*тууар йәнле*" (lit. "with a cattle soul"), which has positive connotation "a man interested in cattle breeding".

During the field research we were able to identify the polysemy of the structure *ат* (a horse) in nominations of a human: 1) a hard-working person: *Шал ат эшне йыраты* (the horse works very hard); 2) a fast person: *Пес қыймылтагыңца, шал ат йетеп тә қуйынты* (While we were getting ready, that horse had time to come); 3) a strong person: *Син ат игәнсен қуй* (lit. “You are like a horse, indeed”). The dialectal idiom with negative connotation *ат нит* (a horse face) – “a man with a long face” – concludes the implicit comparison of the external indicator. Secondary naming *царыс ат* (a savage horse) characterizes a stubborn person.

The word “*айгыр*” is commonly used. The lexical unit is used in a metaphorical meaning of “a strong, well-built man”. The words “*тай*” (a foal younger than two years old) and “*нийә*” (a mare) are used in a figurative sense, defining “a free man” and “a hard-working woman of strong physique” respectively: *Әлеге царыс тай киләте* (The savage foal is going), *Килен түгел, нийә ул* (lit. “She is not a daughter-in-law, but a mare”).

In national dialects we can quite often see such a form of endearment to the younger as “*қолынцақ*”, which means “a foal younger than one year old”: “*қолоным*” (lit. “my foal”) in the dialects of the Tobolsk region inhabitants [Bolshoi dialektologicheskii slovar, p. 412], “*қолон кисәгем*” and “*қолонцағым*” in the dialects of the Tyumen region residents [ibid., p. 411], “*қолынцағым*” – a term of endearment for the younger, used with a touch of pity, sympathy – can be found in the dialects of the Vagaysky district residents. Compare: in the dialects of Tatar Tatars “*кинцәтайым*” (lit. “my little foal”) is a form of endearment for a single child or the youngest child [ibid., p. 312]. However, in the western dialect “*таем*” (lit. “my foal”) is used to refer to males [Tatar telenen anlatmaly suzlege, p. 507].

The sayings and proverbs reveal important aspects of the linguistic world-image. Proverbs containing the lexical unit “*ат*” (a horse) represent valuable information about labour and patience – “*Атқа йеткәнцә, тай та йарайты*” (lit. “If we don’t have a horse than a foal will do”), about family relationships – *Ат ийәсентә ақсамасын* (lit. “Let the host not have a lame horse” (used about a girl getting married)). Moreover, there is a well-known phrase carrying negative assessment “*Йаман атны йал пасыр*” (lit. “The mane will do a bad horse”), which is used in relation to adolescent girls who can not cope with their long tangled hair.

In Tatar national dialects nominations of a human with the component *сыйыр* (a cow) is expressed in such idioms as “*күссес сыйыр*” (a cow without eyes), which means “an awkward person”; “*йаман сыйыр*” (a bad cow) means “a child who cries a lot”; “*сыйыр күс*” (a cow’s eye) has the meaning of “a person with bulging eyes”; “*мөйөссөс сыйыр*” means (a hornless cow) has two meanings: 1) an easy-mannered person; 2) an ill-mannered guest.

Moreover, a part of the cow’s body can be used as a means of nominations of a human – “*мөйөс*” (a horn) with the meaning of “naughty”. The basis of semantic shift is the basic quality of the horns: they cannot be deformed or exposed to the external influence.

Nominations of a human with the component “*әт*” (a dog) contain a negative assessment of a malignant human: “*Теге әттән ницек кенә қотолормын игән?*” (lit. “How do I get rid of the dog?”). The idiom “*әтнең арт аяғы*” (lit. “the dog’s back leg”), which means “an evil man”, and “*өй гөцөк*” (a domestic dog), which means “a person who does not like to go anywhere, a coach potato”) also bear negative connotation. A literary synonym for the unit “*өй гөцөк*” is “*өй тавыгы*” (a domestic chicken) [Isanbet, p. 323], a dialectal antonym is “*урам насты*” (lit. “coming to the street”) and a literary antonym is “*урам себеркесе*” (a street broom).

The national dialects naming with the component “*қуцғар*” (a male sheep) and “*қуй*” (a female sheep) are the parts of these idioms: *қуцғар паиш* (a head like a male-sheep’s head) – “a man with curly hair”. The use of the components *қуй* (a female-sheep) and *қуцғар* (a male-sheep) marks the priority of the external characteristics of human appearance.

The same can be said about the lexical unit *ицге* (a goat). Nominations of a human with the component *ицге* (a goat) are represented by idiomatic synonyms *ицге сағал* (a beard like a goat’s) and *ицге нит* (a face like a goat’s), which means “a man with a long thin beard”. Lexical units *туңыс*, *цуца* (a pig), on the contrary, refer not to the external, but internal qualities and signify a rebellious, stubborn or ill-mannered person. It should be noted that, except for the lexical unit *ат* (a horse), which is used when naming the person with the approval, all of the listed names of animals, becoming the basis of human characterization, generally give it negative connotation.

Nominations of a human with an ornithonym component

Comparative study of Tatar idioms with an ornithonym component has been conducted in the works by L. R. Sakaeva [Sakaeva], R. A. Ayupova, K. A. Sakhibullina [Ayupova, Sakhibullina], A. R. Rakhimova [Rakhimova, 2015]. The focus of the research are such collocations with *тавык* (a chicken), *каз* (a goose), *үрдәк* (a duck), *әтәч* (a cock), *чыпчык* (a sparrow), *саескан* (a magpie), *карга* (a crow), *тургай* (a lark), etc.

We consider names of birds as the most ancient layer of vocabulary. Since birds (unlike animals) are free to move in the air space, rural people (dialect speakers) watch them almost every day. Apparently, that is why the habits of the birds underlie many superstitious beliefs signalling a change of weather, the rain, oncoming cold, ripe corn, etc. For example, the habits of jackdaws and swallows tell about the rain: *тилиб^бун провотына цәүгә тула утырсалар, йаңқыр йаб^баты* (if many jackdaws are sitting on the phone wire, it will rain); *қарлығацлар түмән оцса, йаңқыр пулаты* (if swallows fly low, it will rain).

People noticed that some birds start to sing at a particular time, associated, for instance, with corn ripening: *пүтәнә пүт-пөтөк тил қыцғырса, арыш-пнтай пешәте* (If a quail sings, rye and wheat have ripened).

The figurative meaning of the lexical unit *кош* (a bird) (an old Turkic word “*күгуш*”) has an ironic tone when used to characterize a person: “a person with a specific character” [Tatar telenen anlatmaly suzlege, p. 287]. The Tobolsk and Irtysh dialect has the lexical unit *қорғон* (a forearm; a bird’s wing, a large feather) [Bolshoi dialektologicheskii slovar, p. 415], which is included in the collocation *қош қорғон* (a bird’s wing) in the dialect of Vagaysky Tatars and used in the figurative meaning of “a man with sloping shoulders” with negative connotation.

Nominations of a human with a wild fowl component

Nominations of a human with the component denoting the names of birds of prey such as *көцөгән* (a big kite), *көцөгән тырнақ* (a pounce like a kite’s) and *сукул* (> eng. “a falcon”) denote a person with long nails and a supervisory, observant person. The basis of semantic shift are external and physical characteristics of birds of prey: big clutch and good vision. In the Tatar literary language the lexical unit *лачын* (a falcon) has a figurative meaning of “a strong and brave man”.

Apparently, the lexical meaning of the borrowed lexical unit *сукул* was inspired by the Russian folk epic literature, in which a young man was nicknamed after a falcon for his clear and watchful eyes. It should be noted that the lexical unit *сукул* is monosemantic; that is why it is considered to be the primary one. Foreign words, borrowed into the language, carry some specific meaning, which is viewed as primary.

The lexical unit *түлгәнмас* consists of the stems *түлгән* (literary “*тилгән*”) and *мас* (bald). The second part describes the bird’s appearance. This word is used in ticklers, a minor genre of children’s folklore:

*Түлгәнмас, мас, мас, мас,
A bald, bald, bald Kite,
Тал арата қасан ас.
Hang the cauldron between the willows.
Шаб^балаңны йара пас.
Breaking your spoon, step on it.
Әткәң-инәң килепте (үлепте) –
Your father and mother have come (died)
Ник қайтмайсың өйөңә?
Why don’t you come back home?*

(Aleeva Umetuka Hafizovna, 1926, Tyumen region, Tobolsk district, der. Tashtagol. Date of record: 11.07.2015).

The lexical unit *тургай* (a lark) in the dialectal space of the Tatar language is used in the meaning of “a sparrow” – in Astrakhan, Perm, Tepekeevsk, Ichkinsk dialects and Tobol and Irtysh dialect. This lexical unit has the following synonyms: in Tomsk dialect – *бәрәбишкә, барабика*; in Barabinsk dialect – *қоцқацақ* [Tumasheva, p. 219]. Comparative analysis of the figurative meaning of the lexical unit “sparrow” in the Tatar literary language and Tobolsk and Irtysh dialect revealed the ambiguity of the interpretation of the image. The idioms with the component “*чыпчык*” (a sparrow) usually express negative human characteristics in the literary language (*кычыткан чыпчыгы* – “a fidget”, *чыпчык баи* – “a stupid person”, *чыпчык йөрәк* – “a coward person”). The idiom *карт чыпчык* (lit. “an old bird”) refers to an experienced person [Bolshoi dialektologicheskii slovar, p. 659]. In the discourse of the residents of Vagaysk, Tobolsk and Tyumen regions the idiom *сарынцы тургай* (a singing sparrow) is used in the meaning of “a cheerful man who lives for the moment” with judgmental connotation. In the dialects of Zabolotnie Tatars there is a secondary nomination *тургай* (a person who wakes up early). In the Siberian Tatar literature we can also find the image of a sparrow. For example, in the Fakhridzhamal Utiasheva’s poem “Turgaen bulyp kyna” a sparrow

is a bearer of such good qualities as diligence and a settled way of life. This image reveals patriotic feelings inherent in a lyrical character.

Сандугачлар мәлле сайрый.
Аккошлар килеп китә.
Туган илен соры тургай
Гомергә якын итә.
Мин дә мәңгә калыр идем
Сыенып куеныңа.
Син какмасаң туган илем
Тургаең булып кына [Utiasheva, p. 3].

The appearance of birds often serves as a basis for transferring the meaning to a person: colour and shape of a dove's eyes – *кәптәрәүс* (an eye like a dove's; compare: “*золурь*” in Uzbek, “*кәптәр*” in Uighur, “*кабӯтар*” in Tajik), which means “a person with round blue eyes”, the thickness of a wagtail's legs – *кәмәцә*, *кәмәцә сыйрак* “a person with thin legs”, general appearance of one of the species of ducks – *чыплай* “a fat man with short crooked legs”.

The etymology of these names deserves a special research. Let us only consider the interpretation of the origin of the word *кәмәцә*. According to our assumptions, this lexical unit contains the stem *кәмә* (a boat) and affix *-цә* (literary *-чә*). The motivation of the stem is revealed in the superstition associated with this bird: *кәмәцә килепте, кәмә йүл төшәте игән* (if a wagtail has arrived, then there will be the waterway for a boat). As it is known, the waterway is still relevant to the Siberian Tatars. The boat is the only means of seasonal transport in the wetlands. Furthermore, artificial canals connecting the lakes to each other serve these goals.

When comparing the names of secondary naming in the Tatar literary language, the vernacular and the Tobolsk and Irtysh dialect there is a semantic specification: the adjective *чүрәкәй* (a teal) within the meaning of “short” [Tatar telenen anlatmaly suzlege, p. 673] and *цөрәгәй* that means “a thin short person” [Tumasheva, p. 241]; the colloquial word *бүдәнә* (a quail) bears the meaning of “a short fat person” with a touch of pejoration, and the word *пүтәнә* denotes “a smart short person”; *торна сыйрак* means “a long-legged person”, *торнакай* – “a tall person” [Tatar telenen anlatmaly suzlege, p. 550] and *мас торна* (a bald heron) denotes “a tall man with a small head on a long, thin neck”.

The folklore of Siberian Tatars represents the basic principle of pre-scientific knowledge of the world – anthropomorphism, which allows people

to live in harmony with nature, to be an integral part of the universe. Songs and poems accompanied the hard work of farmers all year round. For example, women used to say the following on the behalf of a quail during the manual harvest:

Пүт-пүтек, пүт-пүтек,
The imitation of a quail's singing
Арыш-пштай пешгәнтә,
When rye and wheat have ripen,
Урылтық та қырылтық.
We got under the sickle and died.

The folk interpretation of a quail's singing makes us think that the lexical unit *пүтәнә* was formed by onomatopoeia *пүт-пүтек*.

A red-haired person is called *сары царлах* (a yellow seagull) in the dialects of Zabolotnye Tatars. The basis of semantic shift is apparently a non-existent object.

In the Tatar language the image of a cuckoo is associated with loneliness, homelessness, stupidity: *күке* is “a person who moves from one place to another” [Tatar telenen anlatmaly suzlege, p. 329], *оясыз кәкүк* means “a homeless cuckoo”, *токымсыз күке* has two meanings: 1) an old bachelor; 2) a bad writer (who writes nothing); *тиле күке* means “a stupid person”, *пүтрау күкесе* has the meaning of “to speak wide” [Safiullina, p. 202]. Moreover, the cuckoo is associated with a woman who abandoned her child, the family – *кәвек: Әлеге кәвегеб⁶ес тага палларын иренә қалтырып цыгып китепте* (that our cuckoo has left again, having left the children to her husband). The cuckoo is associated with the sign of misfortune and death in superstitions: if a cuckoo sits on a pole or touches a person with the wing, then trouble is inevitable. In this case, the pole or the person is washed with milk, which serves as a negative impact neutralizer.

Among the hunters there is a perception that there is the bird *кәвек йанцық* (lit. “a cuckoo's side”), which hatches the cuckoo's eggs. Apparently, this idea underlies the shift of *кәвек йанцық*, which means “a toady”: *Қаң паратан, кәвек йанцықланып йөрәмә* (Go away, do not toady).

Metaphorical designation of a foolish person are the idioms with an ornithonym component denoting small birds with a small head, in which there is not enough space for the brain, such as “a chicken”: *тавык мие эчкән // тавык баи* “куриные мозги” [Ibid., p. 222]. Tobolsk and Vagaysk Tatars use the idiom *цел мейә* (the brain

of a grouse) to mean “a very stupid, foolish person” with offensive connotation: *Цел мейдә пулгац цел мейдә, ичмаса исән-китанны аңламайты* (the brain of a grouse is the brain of a grouse, not even knowing how to count and write). The origin of the word *цел* is connected with the sounds that the bird makes. The association is aimed at imagining the brain of a chicken as something small. The grouse’s brain seems even smaller in comparison with it.

The idiom *қойрықсыс савысган* (a tailless magpie) figuratively describes a deceitful person: *Ник аңа эшәнәсен, ул қойрықсыс савысган гуй* (Why do you believe him, he is a tailless magpie). The lexical unit *қойрық* (a tail) is associated with something that you can catch, or grab. In this case *қойрықсыс* indicates immensity, the absence of the end. The idiom has an insulting tone.

Positive connotation is inherent in such names as *сандугач* (a nightingale) and *ақош* (a swan), which characterize the musical gift and grace of the person respectively: *Себер сандугачыбыс Сәкинә килепте* (our Siberian nightingale Sakina has arrived); *Ақош апаяғыс та қартайа паишланты* (your aunt swan also started to grow old).

Nominations of a human with a poultry component

Poultry includes *тавық* (a common Turkic word), *цеб^е* (a chicken), *қураc* (a cock) (compare: an old Turkic word *kür* “brave, courageous” [Old Turkic dictionary, p. 328]) and *үртәк* (an old Turkic word *ödiräk, ördäk* [Ibid., p. 388]), *майган* (compare: an old Turkic word *тажуиқ* “1. bow-legged (about a person); 2. Not able to run fast (about an animal)” [Ibid., p. 335]), which mean “a duck”.

There are numerous idioms with the component “chicken” in the Tatar language. They characterize the person from different angles: domesticity – *оя тавыгы, өй тавыгы оуа*; cowardice – *тавык йөрәк*; stupidity – *тавык мие эчкән, тавык баш, суқыр тавык*; sensitivity to cold – *каткан тавык, бөрешкән тавык*, etc. The idioms *тавық паиш* and *цеб^е күс* (the eyes [like] the chicken’s) are quite common in the Tobolsk and Irtysh dialect. These idioms are usually referred to a foolish person, or a person who does not see well in the darkness. The second example is dialectal and synonymous to the idiom *тавык күз* (moon blindness). An aggressive person who is prone to attack is called *қурық тавық* (a mother hen) with negative connotation. It is well-known

that during the hen is restless while sitting on eggs, which formed the basis for the metaphorical shift.

Quick temper of the rooster underlies the semantic shift in the categories *әтәч* and *қураc*: *Нимә қурасланасын, көңөң кәнәйеп киттемә?* (Why are you behaving like a rooster, do you have energy surge?). The lexical unit *үртәк* has a developed semantic structure: 1) a duck; 2) a person who waddles, 3) a person who speaks through their nose: *Үртәк мартқылтайты* (a duck quacks).

Nominations of a human with a fish component

Fishing plays an important role in the life of Siberian Tatars, who used to settle near the lakes and rivers. The lexical unit *палық* (a common Turkic word *балык*) has a characteristic vocalization *палых*, used by Zabolotnie Tatars. The derivative *палыхлау* (to catch fish), used in the Tevrizsky, Tobolsk and Zabolotniy dialects, has a synonym *аңтыну / аңтыу* (*аң* “hunting; a moose; an animal”) [Tumasheva, p. 25] [Bolshoi dialektologicheskii slovar, p. 46].

According to the behavior or condition of fish, Siberian Tatars predicted natural phenomena: *палықның эцентә қан пулса, көн посық пулаты; эцентә қан пулмаса, көн ацық пулаты* (if there is blood inside the fish, then there will be a bad weather; if there is no blood in the fish, then the weather will be fine); *яңқыр алтынта палық сов өстөнтә сикерәте* (the fish jumps over the water before the rain); *күл туңыр алтта палық ойышаты* (the fish starts to get in a stock before the lake freezes).

Nominations of a human with the components *палық* (fish) and *уылтық* (caviar) are represented by the idioms *палық күс* (the eyes like fish’s eyes) in the meaning of “a person with bulging eyes” and *уылтық қапцық* (a bag for caviar) that means “a fat person with a big belly”: *Палық күс тиләмә кеише араға кермәйтеген* (The fisheye is not always seen in public); *Уылтық қапцық утырын қуйса, қорсагы тубығына йататы* (If the sack sits down, then his belly will lay down on his knees). The bases of the shift are the appearance of fish eyes and a special bag sewn for salting caviar. Such bags were made during the spring fishing on the lake. The caught fish was sorted into large and small ones, and then it was cut and salted. Fish and caviar were salted separately. As a result, they got *кәцел*, dried fish of small size, *қақ палық* (dried fish), the one of a large size, or *қушақ* (derived from the verb *қушу* that means “to connect”, when two fish were tied together while being dried): *Кәцелцәкнең теле пулмаса, үсе күренмәс тә*

ите (if small dried fish did not have a tongue, it would not be visible); *Қақ палыққа прас ит қуныпты зүй* (A little meat has increased in the dried fish). The naming *кәцел* “a thin short person” and “a thin man” are formed on the likeness of a thin man with a dried fish of a small or large size.

The corpulence of a male body is usually associated with a fat crucian or a sturgeon, the difference between these two is only in the degree of corpulence: *май таб^ан*, which has the meaning of “a bit fat man”, with positive connotation, and *того*, which means “a very fat man”, with negative connotation. According to A. R. Rakhimova, the lexical unit *того* dates back to the Old Turkic root *тог~того* with the meaning of “rounded, blunt, not sharp” [Rakhimova, 2001, p. 44].

Nominations of a human with the component *цуртан* (a pike) (a common Turkic word “*чортан*”) is represented by the following idioms: *тоң цуртан* (a frozen pike) – “an indifferent, cold man”, and *цуртан меш* (pike’s tooth) – “a man with long sharp teeth”. They are fixed in the dialects of Zabolotnie and Vagaisky Tatars: *Қорман павай – перттә эремәйтхен тоң цуртан* (uncle Kurman is not a melting frozen pike); *Цуртан меш кийәүгә парыпты* (The pike’s tooth got married). The shift is undoubtedly based on the sense “frozen”, but the main criterion in the shift, in our opinion, is imagery, which conveys the resistance to external influences: a frozen fish and an indifferent person. Consequently, everyday experience is the basis of the image and associative shift. The imagery is also present in the idiom *цуртан меш*, since the distinctive feature of the predatory fish is the needlelike teeth.

In the dialects of Zabolotnie Tatars, the word *лерге* (a minnow) in combination with the lexeme *пала* is used in the meaning of “a child”: *Нешигәә партым: керәлматым, авыллары тың тегәнәхле, пер генә лерге пала йетем тип* [Multimediiñy korpus tatarskikh narodnykh govorov Tiimenskoï oblasti] (I have been to Ishmenovo: I could not enter it, there are a lot of prickly ones in the village, I only ate the baby minnow).

The lexical unit *лерге* (the Zabolotniy dialect) / *ләрге* (the Tevriz dialect) is a Finno-Ugric borrowing – “Khanty *ларег* (ruff)” [Rakhimova, 2001, p. 46]. The semantic shift is carried out, first, due to the size of the fish, which is an average of 10–15 cm, and secondly, the use of the lexical unit *пала*, which indicates the age.

Nominations of a human with an insect component

The lexical unit *қорт* / *зорт* (an old Turkic word *куру-т*) has a general meaning of “an insect”, an a narrow meaning of “a worm” in the Tobolsk and Irtysh dialect. However, the semantic content of the lexical unit is not limited to these meanings in folk dialects. There is a well-known example of the use of the word in the composition of the verbal complex *вақ қорт қайван* (small cattle) in the dialects of Tyumen Tatars. At the same time, the word *қорт* actively participates in the formation of folk terminological vocabulary: *қармақ қорт* / *қармах қорт* (a dwelling insect) in the dialects of Zabolotnie Tatars, and *қызыл қорт* (a red insect) in the Barabinsk dialect with the meaning of “a worm”; *көйә зорт* (a moth) in the Tobolsk and Irtysh dialect [Bolshoi dialektologicheskii slovar, p. 416].

In folk dialects, the idioms *қортлы тел* (lit. “a wormy tongue”) in the meaning of “a chatterbox” and *қортлы тамақ* (lit. “a wormy throat”) in the meaning of “a drunkard” are used in a negative way. The component *қортлы* is associated with a lot of swarming creatures that cause discomfort, so they make a person start doing something. Other components – a tongue and a throat – are perceived as organs of speaking and swallowing respectively. Compare: *тамағын бет ашый* [Isanbet, p. 105].

Nominations of a human with the component *нет* (a louse) (common Turkic *бйт*) is widely used in the Tobolsk and Irtysh dialect. Many nations have faced the problem of pediculosis for centuries. Men shaved themselves and children’s head in order to get rid of bloodsucking parasites.

In folklore this insect appears as something that is difficult to get rid of – “*бет кебек ябышу*” – and participates in the creation of a negative image of a mean, greedy and dissolute person: *бет чәйнәгән, бет(ен) ашаган, бете котырған* [Tatar telenen anlatmaly suzlege, p. 83]. Moreover, the characteristic of the insect “small, tiny” is transformed into “insignificant, not worthy”: *бет ачуын туннан алу, неткә үцәшеп тунны утқа яқмасын*.

Dialectal idioms with the component *нет* characterize person’s appearance *нет нум* (the face like a louse’s face), which means “a pale man”, and the speech *нетле амыс* (lit. “a lousy mouth”) and *нетле тел* (lit. “a lousy tongue”), which means “a chatterbox”. The association of a pale gray colour of the lice with a pale face of a person underlies the semantic shift of the first component of the lexical unit *нет нум*.

Apparently, this was facilitated by the change of louse's colour into red after feeding: the association is a pale and a ruddy face. The associative grain of the units *петле амыс* and *петле тел* is similar to *қортлы тел* and *қортлы тамақ*. These idioms differ in their expressivity and imagery.

Nominations of a human with the component *серкә* (a crum) (a common Turkic word *сиркә*) denotes a person who easily takes offense: in the literary language, *серкәсе су күтәрми* [Isanbet, p. 71], in the dialect *серкәсе сытылган* (lit. "his nit has burst"), *серкә* stands for "touchy". The metaphorical shift of the name is based on the figurative similarity of the fragility of the egg to the fragile world of human feelings.

Nominations of a human with the component *цикерткә* (a grasshopper, a cricket) (an old Turkic word *чекүргә*) is represented by the dialectal idiom *цикерткә күс* (the eye like a grasshopper), which means "unscrupulous, insolent, impudent", and the lexical unit with a reproachful colour *цикерткә*, which means "a child who intervenes in conversations of adults and behaves like an adult", having a negative connotation. In the first example, the chaotic nature of the grasshopper's movements is transferred to the eyes of a person. In Tatar culture such behavior of a person is regarded as shamelessness. The second example shows the process of transferring the image of a chirping insect to talkative children. In both cases there is an annoying element.

Nominations of a human with the components *цәннеңе* (a hornet) (from the old Turkic verb stem *сән-, сан-, сайн-* with the meaning of "to stab") and *цагунын* (from the verb *цагу* "to sting"), which means "a bumblebee", denotes a caustic person and realize the lexical unit "sharp". The basis of the idiom is the comparison of the piercing part of the organ of protection and attack of the insect and the harsh words of a person. Tatars from the village of Kularovo, the Vagaysky district, use the verb *цагу* in the meaning of "to blame" in their dialect: *Ша геше цагыпты мине* (That person has accused me).

The semantic shift according to external similarity is represented in the following nominations of a human: *куңыс күс* (lit. "the beetle of the eye"), which means "a person who has big and black eyes" (an old Turkic word *коңкуз, куңкуз, коңкур*), and *әнәлек* (a dragonfly), which means "a thin person" (from the word *әнә* – "a needle", an ancient Turkic verb stem *ик-, йәк-*, which means "to sew") with positive and negative connotation

respectively. A hunched, short person who shuffles his or her feet is called *йөнлө қорт* ("a caterpillar"), while the connotation is close to irony and joking.

The semantic shift is based not only on the appearance, physical condition and some activity of insects, but also on the emitting of some smell. Nominations of a human with the component *мәс қантала* (a bedbug) refer to "an evil-smelling person" (a common Turkic word *кандала, кандалай, кандагай*).

Thus, the analyzed lexical units are the products of the secondary naming, most of which are first introduced into scientific circulation. The concept "zoonym" as a component of the linguistic world-image is represented through the secondary nominations of a human in the cultural space of Siberian Tatars. The linguistic and cultural analysis demonstrated not only the originality of the studied material, but also revealed the etymology of dialectal names, which were reflected in oral folk art.

Dialect is the guardian of the historical memory of the nation: ancient elements and the results of interlanguage interaction harmoniously coexist in it. At the same time, a foreign linguistic unit can be rethought, the result of which is connotation.

The emotional and expressive element of naming a human with a zoonym component, is expressed by negative and positive connotations, which allow finding the ideal concept of external and internal characteristics of a person in the dialectal linguistic picture of the world.

References

- Ayupova, R. A., Sakhbullina, K. A. (2014). *Otsenochnyi komponent znachenii frazeologicheskikh i paremiologicheskikh edinits s komponentom ornitonimom (na materiale angliiskogo, tatarskogo i russkogo iazykov)* [The Evaluative Component of the Meaning of Phraseological and Paroemiological Units with an Ornithonym Component]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, No 4–3 (34), pp. 28–31. (In Russian)
- Alishina, Kh. Ch. (1994). *Tobolo-irtyshskii dialekt iazyka sibirskikh tatar* [The Tobolsk and Irtysh Dialect of the Siberian Tatars' Language]. 119 p. Kazan, Kazan pedagogical institute. (In Russian)
- Antonova, A. R. (2015). *Spetsifika arabskikh i tatarskikh zoocentricheskikh paremii, otrazhaiushchikh polozhitelnye kachestva cheloveka* [The Peculiarities of Arab and Tatar Zoocentric Proverbs Denoting Positive Personal Characteristics]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*. No. 1–1, pp. 229–237. (In Russian)
- Arutiunova, N. D. (1999). *Iazyk i mir cheloveka* [Language and the Human World]. 896 p. Moscow, Iazyki russkoi kultury. (In Russian)

- Averina, M. A. (2015) *Tipy varirovaniia frazeologizmov s komponentom-zoonimom (na materiale russkogo i angliiskogo iazykov)* [Varying Types of Phraseology with Component-Zoonyms (Based on the Russian and English Languages)] *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. No. 4, pp. 340–343. (In Russian)
- Bolshoi dialektologicheskii slovar tatarskogo iazyka* [Big Dialectological Dictionary of the Tatar Language]. (2009). 839 p. Kazan, Tatarskoe knizhnoe izdatelstvo. (In Russian)
- Denmukhametova, E. N. (2011). *Zoonimy i fitonimy v tatarskikh paremiakh* [Zoonyms and Phytonyms in Tatar Proverbs]. *Almanakh sovremennoi nauki i obrazovaniia*. No.1 (44), pp. 181–185. (In Russian)
- Gainetdinova, G. Z. (2010). *Zoonimy v roli obrashcheniia na materiale tatarskogo i angliiskogo iazykov* [Zoonyms in the Function of Address in the Tatar and English Languages]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 4. Pp, 59–61. (In Russian)
- Galimova, D. N. (2008). *Chelovek v metaforicheskoi dialektnoi kartine mira* [Man in a Metaphorical Dialectal Picture of the World]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* No. 316, pp. 11–14. (In Russian)
- Galiullina, G. R. (2009). *Tatarskaia antroponiimiia v lingvokulturologicheskom aspekte: dis. ... d-ra. filol. nauk* [Tatar Anthroponymy in Linguistic and Cultural Aspects]. Kazan, 403 p. (In Russian)
- Geliaeva, A. I. (2002). *Chelovek kak obekt nominatsii v iazykovoii kartine mira: dis. ... d-ra. filol. nauk* [Man as an Object of Naming in a Linguistic World-image]. 307 p. Nalchik. (In Russian)
- Gulik, O. O. (2014). *Gendernyi aspekt zoomorfnykh metafor* [Gender Aspect of Zoomorphic Metaphors]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*. No. 2–2, pp. 366–368. (In Russian)
- Isanbet, N. S. (1990). *Frazeologicheskii slovar tatarskogo iazyka. V dvukh tomakh* [Tatar Phraseological Dictionary. In Two Volumes]. Vol. II. 365 p. Kazan, Tatarskoe knizhnoe izdatelstvo. (In Russian)
- Iusupova, E. S. (2014). *Natsionalno-kulturnaia markirovannost zoosemicheskikh frazeologizmov chechenskogo iazyka* [National and Cultural Markedness of Zoosemic Idioms in the Chechen Language]. *Vestnik Akademii nauk Chechenskoi Respubliki*. No. 4 (25), pp. 81–85. (In Russian)
- Kubriakova, E. S. (1996) *Kontsept. Kratkii slovar kognitivnykh terminov* [Concept. Concise Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow, pp. 90–93. (In Russian)
- Maslova, V. A. (2010). *Lingvokulturologiia: ucheb. posobie dlia stud. vyssh. ucheb. zavedenii* [Cultural Linguistics: A Study Guide for University Students]. 208 p. Moscow, Izdatelskii tsentr “Akademia”. (In Russian)
- Mekhtikhanly, S. G. (2014). *O frazeologicheskikh edinitakh russkogo i persidskogo iazykov s zoonimnym komponentom, kharakterizuiushchikh cheloveka* [On Russian and Persian Phraseological Units with a Zoonym Component Characterizing the Person]. *Gumanitarnye issledovaniia*. No. 2 (50), pp. 22–26. (In Russian)
- Metelskaia, E. V. (2011). *Aktualnost leksicheskikh substandartnykh edinit-zoonimov v vossozdanii obraza cheloveka v angloiazychnoi i russkoiazychnoi substandartnoi lingvokul'turakh* [The Relevance of Substandard Zoonyms in Creating a Person's Image in English and Russian Substandard Cultures]. *Gumanitarnye issledovaniia*. No. 4, pp. 119–126. (In Russian)
- Multimediinyi korpus tatarskikh narodnykh govorov Tiumenskoi oblasti* (2017). [Multimedia Corpus of Tatar Folk Dialects of the Tyumen Region]. URL: <http://tobolskutmn.ru/o-tyumgu/corpus2> (accessed: 16.02.2017). (In Russian)
- Nadeliaev, V. M., Nasilov, D. M., Tenishev, E. R., Shcherbak, A. M. (1969). *Drevnetiurkskii slovar* [Old Turkic Dictionary]. 677 p. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie. (In Russian)
- Omer, B. (2015). *Perenosnoe znachenie zoonimov v turetskikh i russkikh poslovitsakh i pogovorkakh* [The Figurative Meaning of Zoonyms in Turkish and Russian Proverbs]. *Nauchnye issledovaniia: ot teorii k praktike*. No. 2 (3), pp. 150–154. (In Russian)
- Rakhimova, A. R. (2001). *Leksika dialektov sibirskikh tatar (sravnitelno-istoricheskii analiz promyslovoi i khoziaistvennoi leksiki)* [Vocabulary of the Siberian Tatars' Dialect (comparative and historical analysis of industrial and household vocabulary)]. 128 p. Kazan, Master Lain. (In Russian)
- Rakhimova, A. R. (2015). *Metaforicheskie leksemy, kharakterizuiushchie cheloveka, v tatarskom iazyke* [Tatar Metaphorical Lexical Units Characterizing a Person]. *Philology and Culture*. No. 2 (40), pp. 93–100. (In Russian)
- Safiullina, F. S. (2001). *Tatarcha-ruscha frazeologik suzlek* [Tatar-Russian Phraseological Dictionary]. 335 p. Kazan, Magarif. (In Tatar)
- Sakaeva, L. R. (2008). *Frazeologizmy s komponentami zoonimami, opisyyvaiushchie cheloveka kak obekt sopostavitelnogo analiza russkogo i angliiskogo iazykov* [Phraseologisms with Zoonymic Components Describing a Person as an Object of Comparative Analysis in Russian and English]. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*. No. 62, pp. 43–47. (In Russian)
- Samarin, A. V. (2011). *Zavisimost stepeni obraznosti kontsepta nasekomoe ot opisyyvaiushchikh ego kognitivnykh klassifikatorov v russkoi i angliiskoi kontseptosferakh* [The Dependence of the Degree of Figurativeness of the Concept “Insect” on Cognitive Qualifiers Describing It in Russian and English Concept Spheres]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika*. No. 2, pp. 176–181. (In Russian)
- Serashkova, M. E. (2013). *Zoonimy vo frazeologii khantyiskogo iazyka priuralskogo dialekta* [Zoonyms in Khanty Phraseology on Priural Dialect Material]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo*

pedagogicheskogo universiteta. No. 7, pp. 214–224. (In Russian)

Sholina, A. A., Smirnova, D. S. (2015). *Zoonimy v russkoi iazykovo kartine mira* [Zoonyms in the Russian Linguistic World-image]. *Innovatsionnaya nauka*. No. 11–1, pp. 259–261. (In Russian)

Tatar telenen anlatmaly suzlege. (2005) [Tatar Explanatory Dictionary]. 848 p. Kazan, “Matbugat iorty” neshriiaty. (In Tatar)

Tatar telenen etnomadaniyat suzlege: matdi madaniyat leksikasy (rizyk hem savyt-saba atamalary) (2015) [Tatar Ethnic and Cultural Dictionary: Food and Utensils]. 280 p. Kazan, Kazan universitety neshriiaty. (In Tatar)

Tumasheva, D. G. (1992). *Slovar dialektov sibirskikh tatar* [Dictionary of the Siberian Tatars’ Dialects]. 255 p. Kazan, Izdatelstvo Kazanskogo universiteta. (In Russian)

Utiasheva, F. (1995). *Shigyrlar* [Poets]. *Ianarysh*. 18 mai, p. 3. (In Tatar)

Zakirova, L. A. (2009). *Emotsiia strakha v zoonimnoi frazeologii (na materiale angliiskogo, russkogo, bashkirskogo i tatarskogo iazykov)* [Expression of Fear in Zoonymic Idioms]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika. № 2, pp. 36–38. (In Russian)

Zamaletdinov, R. R. (2009). *Teoreticheskie i prikladnye aspekty tatarskoi lingvokulturologii* [Theoretical and Practical Aspects of Tatar Cultural Linguistics]. 351 p. Kazan, Magarif. (In Russian)

НОМИНАЦИИ ЧЕЛОВЕКА С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ (НА МАТЕРИАЛЕ ТАТАРСКИХ ГОВОРОВ ЮГА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Гузель Чахваровна Файзуллина,

Тобольский педагогический институт им. Д. И. Менделеева (филиал)

Тюменского государственного университета,

Россия, 626150, г. Тобольск, ул. Знаменская, д. 58,

utgus@mail.ru.

Статья посвящена исследованию способов метафоризации зоонимов в диалектной языковой картине мира, являющейся в настоящее время объектом пристального внимания ученых-лингвистов. На материале татарских говоров юга Тюменской области выявлено, что через образы животных (в том числе птиц, насекомых, ихтионимов) репрезентируются такие внешние и внутренние качества человека, как трудолюбие, изящество, музыкальность, внешняя красота, глупость, рассеянность, угодничество, нескромность, праздность и т. д. Внутренняя форма слова основана на довольно широком круге признаков: внешний вид, физические данные, повадки, нрав, особенности восприятия, манера ходить, издаваемый запах, пение птиц и др.

Ключевые слова: метафоризация, сибирские татары, тоболо-иртышский диалект, номинация человека, зооним.

Введение

Статья представляет собой лингвокультурологическое исследование, посвященное проблеме репрезентации образа человека в диалектной языковой картине мира (на материале татарских народных говоров юга Тюменской области). Выбор темы обусловлен интересом к изучению антропоцентрического фактора в языке, в частности к описанию концептосферы «человек», необходимостью отбора, систематизации и описания зафиксированного языкового материала, репрезентирующего диалектную языковую картину татар.

В изучение рассматриваемого вопроса внесли вклад такие ученые, как Х. Ч. Алишина [Алишина], Н. Д. Арутюнова [Арутюнова], Г. Р. Галиуллина [Галиуллина], А. И. Геляева

[Геляева], Р. Р. Замалетдинов [Замалетдинов], Е. С. Кубрякова [Кубрякова], В. А. Маслова [Маслова], Р. С. Нурмухаметова, А. Ш. Юсупова [Татар теленең этномәдәнияте сүзлеге] и многие другие.

Объект исследования – номинации человека с компонентом-зоонимом в татарских народных говорах юга Тюменской области. Предметом изучения выступают семантика и структура как лексических, так и фразеологических единиц. В работе показано, что в народных говорах актуальны фразеологические единицы, образованные по моделям «зооним + соматизм» и «имя существительное / имя прилагательное + зооним». Особое внимание уделяется семантическому анализу языковых единиц, которые фактически не описаны в лексикографической

практике. Доказано, что использование номинативных средств зоонимической лексики в новой для них функции называния способствует развитию полисемантической структуры слова.

Современные исследования территориальных диалектов в татарском языкознании посвящены различным аспектам: описательному, сопоставительному изучению с другими языками, историческому, ареальному. В центре внимания ученых находятся названия птиц в нормированном языке, в то время как диалектные наименования остаются малоизученными. Кроме того, недостаточно исследованы территориально ограниченные фразеологизмы татарского языка. Актуальность изучения диалектных фразеологизмов в современных условиях «стирания» границ между народными говорами только возрастает.

Целью исследования является анализ диалектных номинаций человека с компонентом-зоонимом в лингвокультурологическом аспекте. С одной стороны, диалект, являясь естественной формой развития языка, сохраняет в себе древние основы, интерпретировавшиеся в совершенно уникальном ключе, с другой – отражает процессы контактирования с другими народами. Ввиду этого изучение вторичной номинации в диалектах представляется актуальным. Научная новизна работы состоит в детальном анализе полисемантической структуры диалектного слова или фразеологизма, встречающихся в материалах полевых исследований, вводимых в научный оборот.

Материал и методы

Материалом исследования являются полевые записи татарских народных говоров и фольклорные материалы юга Тюменской области, собранные нами в ходе фольклорно-диалектологической экспедиции в 2014–2016 гг. В работе также использованы материалы лексикографических и фольклорных источников, диалектологических и этимологических словарей, а также сведения из научных трудов по культуре сибирских татар.

При изучении номинаций человека с компонентом-зоонимом использованы такие методы и приемы, как опрос информантов, описательно-аналитический, сопоставительный, лингвокультурологический. При идентификации диалектной единицы использовался метод сопоставления с дефинициями литературного языка.

Результаты

Образ человека как фрагмент диалектной языковой картины мира репрезентируется в культурном пространстве юга Тюменской области посредством вторичных номинаций объектов животного мира.

Зоонимная лексика как стержневой пласт словарного состава любого национального языка всегда находилась в центре внимания ученых-лингвистов. В современной лингвистической науке наблюдается активное изучение вторичной номинации: фразеологических единиц с компонентом-зоонимом [Аверина], [Мехтиханлы], [Сакаева], [Серасхова], [Юсупова], зооцентрических паремий [Антонова], [Омер], зоонимов в роли обращения [Гайнетдинова], номинаций человека [Метельская] и др. Кроме того, в центре внимания лингвистов оказываются гендерный [Гулик], лингвокультурологический [Самарин], [Шолина, Смирнова], терминологический [Галимова], эмотивный [Закирова] аспекты и т. д.

Номинации человека с компонентом – наименованием дикого животного

Диалектная лексика многогранна: отличается развитой синонимией и вариативностью. Номинация человека с компонентом *айу* ‘медведь’ является общенародной и называет сильного человека крепкого телосложения. Обратимся к рассмотрению особенностей бытования данного слова в татарских народных говорах юга Тюменской области. В говорах жителей Вагайского района отмечена единица *айу пала* ‘детеныш медведя’, ‘медвежонок’ – о косолапом мужчине крепкого телосложения и невысокого роста.

Сибирские татары являются последователями исламской религии. Однако в культурном наследии сохранились элементы язычества, которые лежат в основе современной языковой картины мира. К примеру, заклинательная и тотемная лексика является отголоском архаичных представлений о мире. И сегодня в некоторых населенных пунктах Вагайского и Тобольского районов *айу* воспринимается как родовой тотем. По всей вероятности, внешние данные дикого зверя послужили основой для переноса значения, ведь мужчины в этом роду крепкого сложения, невысокие и широкоплечие.

Табуированное название крупного медведя *паб⁶ай* употребляется в значении «косолапый и кривоногий мужчина»: *Паб⁶ай авырын китепте*. – *Бабай приболел* (здесь и далее перевод наш – Г. Ф.). Более того, слово *айу* применяется

в заклиниях от дурного глаза: *Айу күсле пулсын, күкерт күсле пулсын, күк күсле пулсын, йәшел күсле пулсын, күк пулып күкрәсен, йәшен пулып йәшинәсен.* – Пусть будут глаза, как у медведя; пусть будут глаза, как гром; пусть глаза будут синими; пусть будут глаза зелеными; пусть грохочет, как небо; пусть сверкает, как молния; Минем палам түгел, айу паласы, нүре паласы, мунца ташы, нүрәнә пашы, нүре теше. – Не мое дитя, дитя медведя, дитя волка, банный камень, конец бревна, зуб волка [Большой диалектологический словарь татарского языка, с. 29].

Итак, в основу семантического переноса положены физические данные и внешний вид медведя: косолапость, сила, коренастость. Рассматриваемые единицы называют, как правило, мужчин.

Номинация человека с компонентом *тийен* ‘белка’ в говорах жителей Вагайского и Тобольского районов отличается полисемантической: 1) человек, быстро щелкающий кедровые орехи: *Тийен қосогомны пәтәртә.* – Белка мои орехи съела; 2) человек, который умеет ловко взбираться на кедр: *Шал тийен илле қаңық сугыпты.* – Та белка пятьдесят мешков набила. Таким образом, на человека переносятся такие физические качества белки, как ловкость и быстрота.

Фонд фразеологических единиц татарских народных говоров состоит как из общенародных единиц (*қуйан ирен* ‘заячья губа’), так и региональных (*қуйан теи* ‘заячьи зубы’). В основе семантического переноса лежит внешний вид зайца. В мелекесском и лямбирском говорах лексема *қуйаным* ‘мой заяц’ является формой ласкательного обращения к маленьким детям [Там же, с. 334], очевидно, связанной с небольшими размерами этого животного.

Слово *қуйан* используется в пословице *Пер төнкә қуйан қарық.* – Заячьи бродни на одну ночь. *Қарық* – кожаная обувь для хождения по болоту [Тумашева, с. 235], которую изготовляли из выделанной кожи лошади или крупного рогатого скота: *күләниш қарық* ‘обувь, имеющая длинное голенище’ и *қарық паиш, пеценле қарық* ‘обувь до шиколотки’. Такая обувь была недолговечна. Имеющееся в пословице сочетание слов *қуйан қарық* ‘обувь из обработанной шкурки зайца’ аллегорически описывает что-либо ненадежное, то, что помогает на короткое время. Лексема *қарық* входит в состав и других диалектных фразеологических единиц: *қарық*

пит (букв.: ‘лицо как кожаная обувь’), *қарық пит* (букв.: ‘бесстыдный человек’), *цереқ қарық* (букв.: ‘изношенная обувь’) о человеке, который задирает нос. В основе семантического переноса лежит внешний вид изношенной обуви.

Номинации человека с компонентом – наименованием домашнего животного

В народных говорах лексема *тувар* передает понятие «скот», входит в компонентный состав фразеологической единицы с позитивной коннотацией *тувар йәнле* ‘с душой скота’ – о человеке, увлеченном скотоводством.

Во время полевых исследований удалось выявить полисемантическую структуру номинации человека лексемой *ат* ‘лошадь’: 1) трудолюбивый человек: *Шал ат эине йыраты.* – Та лошадь очень усердно работает; 2) быстрый человек: *Пес қыймылтағыңца, шал ат йетеп тә қуйыпты.* – Пока мы собирались, та лошадь успела прийти; 3) сильный человек: *Син ат игәнсен қуй.* – Ты лошадь, оказывается. Диалектный фразеологизм с негативной коннотацией *ат пит* ‘лошадиное лицо’ (о человеке, имеющем длинное лицо) заключает скрытое сопоставление по внешнему показателю. Вторичная номинация *қарыс ат* ‘неприрученная лошадь’ характеризует упрямого человека.

Слово *айғыр* ‘жеребец’ является общеупотребительным. Оно употребляется в метафорическом значении «сильный, крепкого сложения человек». Лексемы *тай* ‘жеребенок, не достигший двухлетнего возраста’ и *пийә* ‘кобыла’ используются в переносном значении «свободный человек» и «трудолюбивая женщина крепкого сложения»: *Әлеге қарыс тай киләте.* – Тот неприрученный жеребенок идет; *Килен түгел, пийә ул.* – Не невестка, кобыла она.

В народных говорах достаточно часто встречающейся формой ласкательного обращения к младшим считается *қолыңцақ* ‘жеребенок до одного года’: в говорах жителей Тобольского района *қолоным* (букв.: ‘мой жеребенок’) [Большой диалектологический словарь, с. 412], в говорах жителей Тюменского района *қолон кисәгем* и *қолонцағым* [Там же, с. 411], в говорах жителей Вагайского района *қолыңцағым* – ласкательное обращение к младшим, используемое с оттенком жалости, сочувствия. Ср.: в говорах тарских татар *кинцәтайым* (букв.: ‘мой маленький жеребенок’) – форма ласкательного обращения к единственному ребенку или ребенку-последышу [Там же, с. 312]. Однако в западном диалекте лексема *таем* ‘мой жеребе-

нок' означает обращение к мужчине [Татар теленең анлатмалы сүзлеге, с. 507].

В поговорках и пословицах обнаруживаются важные аспекты языковой картины мира. Пословицы, содержащие лексему *ат* 'лошадь', репрезентируют ценную информацию о труде и терпении: *Атқа йеткәнцә, тай та йарайты. – За неимением лошади и жеребенок подойдет*; о семейных отношениях: *Ат ийәсентә ақсамасын. – Пусть у хозяина лошадь хромою не будет* (о девушке, выходящей замуж). Более того, известна несущая негативную оценку поговорка *Йаман атны йал насыр. – Грива одолеет плохую лошадь* (о девушках-подростках, которые не могут расчесать сильно запутанные длинные волосы).

В татарских народных говорах номинации человека с компонентом – наименованием домашнего животного *сыйыр* 'корова' выражаются фразеологизмами: *күссес сыйыр* 'корова без глаз' (о неловком человеке); *йаман сыйыр* 'плохая корова' (о ребенке, который много и часто плачет); *сыйыр күс* 'коровий глаз' (букв.: 'человек с глазами навывкате'); *мөйөссөс сыйыр* 'безрогая корова' в значении: 1) бесцеремонный человек; 2) невоспитанный гость.

Более того, в номинации человека употребляется наименование части тела коровы – *мөйөс* 'рог' в значении «непослушный». В основе семантического переноса – свойство рогов не поддаваться деформации, внешнему воздействию.

Номинация человека с компонентом *эт* 'пес', 'собака' содержит негативную оценку злобного человека: *Теге эттән ницек кенә қотолормын игән? – Как же я избавлюсь от той собаки?* Фразеологические единицы *этнең арт аягы* 'задняя нога собаки' (о злом человеке) и *өй гөцөк* 'домашняя собачка' (о человеке-домоседе) также содержат отрицательную коннотацию. Литературным синонимом единицы *өй гөцөк* является *өй тавыгы* 'домашняя курица' [Исанбет, с. 323], а антонимами – *урам себеркесе* 'уличная метла' (общеупотр.), *урам насты* 'наступающий на улицу' (диал.).

В народных говорах номинации с компонентами *куңгар* 'баран' и *куй* 'овца' входят в состав следующей фразеологической единицы: *куңгар паиш. – голова (как у) барана* (о человеке с вьющимися волосами). Они преимущественно используются для характеристики внешних данных человека.

То же можно сказать и о лексеме *ицге* 'козел', которая репрезентирована в фразеологиз-

мах-синонимах *ицге сагал. – борода (как у) козла и ицге тит. – лицо (как у) козла* (о мужчине с длинной жидкой бородкой). Лексические единицы *туңыс, ицга* 'свинья', напротив, обращены к сфере не внешних, а внутренних качеств и означают непослушного, невоспитанного или упрямого человека. Следует отметить, что, за исключением лексемы *ат* 'лошадь', употребляющейся при назывании человека преимущественно с одобрением, перечисленные зоонимы, становясь основой характеристики человека, в целом придают ей отрицательный характер.

Номинации человека с компонентом-орнитонимом

Исследованию татарских фразеологизмов с компонентом-орнитонимом в сопоставительном плане посвящены работы Л. Р. Сакаевой [Сакаева], Р. А. Аюповой, К. А. Сахибуллиной [Аюпова, Сахибуллина], А. Р. Рахимовой [Рахимова, 2015], в центре внимания которых находятся литературные единицы *тавык* 'курица', *каз* 'гусь', *үрдәк* 'утка', *этәч* 'петух', *чыпчык* 'воробей', *саескан* 'сорока', *карга* 'ворона', *тургай* 'жаворонок' и др.

Наименования птиц, как мы считаем, являются наиболее древним пластом лексики. Поскольку птицы (в отличие от зверей) беспрепятственно передвигаются в воздушном пространстве, то сельский человек (носитель диалекта) практически каждодневно наблюдает за ними. Видимо, поэтому повадки птиц лежат в основе многих примет, которые сигнализируют о смене погоды, скором дожде, надвигающихся холодах, созревших хлебах и т. д. Например, повадки галок и ласточек говорят о дожде: *Тилиб^вун провотына цәүгә тула утырсалар, йаңқыр йаб^ваты. – Если на телефонный провод сядет много галок, то будет дождь; Карлыгацлар түмән оңса, йаңқыр пулаты. – Ласточки летают низко – к дождю.*

Народом замечено, что некоторые птицы начинают петь в какое-то определенное время, связанное, например, с созревaniem хлебов: *Пүтәнә пүт-пөтөк тип қыңгырса, арыш-питай пешәте. – Если перепелка поет, рожь и пшеница созрели.*

Применительно к характеристике человека переносное значение лексемы *кош* 'птица' (древнетюркское *кугуш*) имеет иронический оттенок: человек с особым характером [Татар теленең анлатмалы сүзлеге, с. 287]. В тоболортышском диалекте употребляется лексема *қорғон* 'предплечье'; 'крыло птицы', 'большое

перо'; 'огниво' (у птицы) [Большой диалектологический словарь, с. 415], которая в говорах вагайских татар входит в словосочетание *қош қорғон* 'крыло птицы' и используется в переносном значении «человек с покатыми плечами» с отрицательной коннотацией.

Номинации человека с компонентами – наименованиями диких птиц

Номинации человека с компонентами – наименованиями хищных птиц *көцөгән* 'большой коршун', *көцөгән тырнақ*. – *ноготь (как у) коршуна* и *сукул* (> рус. *сокол*) обозначают человека с длинными ногтями, очень наблюдательного и приметливого. В основе семантического переноса лежат внешние и физические данные хищных птиц: большие когти и хорошее зрение. В татарском литературном языке лексема *лачын* 'сокол' имеет переносное значение «сильный и смелый мужчина».

По всей видимости, лексическое значение заимствованной лексемы *сукул* навеяно русским фольклорным эпосом, в котором молодца за его ясные, зоркие очи называли *Соколом ясным*. Следует отметить, что лексема *сукул* определяется как моносемичная и потому считается первичной.

Лексема *тулгәнтас* состоит из основ *тулгән* (литер. *тилгән*) 'коршун' и *тас* 'лысый'. Вероятно, вторая основа характеризует внешний вид птицы. Данное слово употребляется в дразнилке – малом жанре детского фольклора:

*Тулгәнтас, тас, тас, тас,
Коршун, лыс, лыс, лыс,
Тал арата қасан ас.
Между ивами казан повесть.
Шаб⁶ алаңны йара пас.
Свою ложку, сломя, наступи.
Әткәң-инәң килепте (үлепте) –
Отец-мать пришли (умерли)
Ник қайтмайсың өйөңә?*

Почему домой не вернешься? (Алеева Умитбика Хафизовна, 1926 г. р. Тюменская область, Тобольский район, дер. Тахтагул. Дата записи: 11.07.2015).

Лексема *тургай* 'жаворонок' в диалектном пространстве татарского языка употребляется в значении «воробей» – в астраханском, пермском, тепекеевском, ичкинском говорах и тоболо-иртышском диалекте. Синонимами ее являются: в томском диалекте – *бәрәбишкә*, *барабика*; в барабинском диалекте – *қоңқақақ* [Тумашева, с. 219]. Сопоставительный анализ переносного значения лексемы чыпчык 'воробей' в татарском литературном языке и тоболо-

иртышском диалекте выявил неоднозначность толкования данного образа. В литературном языке через фразеологизмы с компонентом-наименованием чыпчык выражаются, как правило, отрицательные характеристики человека: *кычыткан чыпчыгы* – непоседа; *чыпчык баи* – глупый; *чыпчык йөрәк* – трус. Фразеологизм *карт чыпчык* 'стреляный воробей' обозначает опытного человека. В говорах жителей Вагайского, Тобольского и Тюменского районов функционирует лексема *тургай* со значением «чыпчык» 'воробей' [Большой диалектологический словарь, с. 659]. Нами отмечен фразеологизм *сарынцы тургай* 'песенный воробей' в значении «веселый человек, живущий одним днем», который имеет негативную коннотацию. В говорах заболотных татар бытует вторичная номинация лексемы *тургай* 'человек, просыпающийся рано'. Образ воробья встречается в художественной литературе сибирских татар. Например, в стихотворении Фахридзамал Утяшевой «Тургаң булып кына» («Как твой воробей») воробей выступает носителем таких положительных качеств, как трудолюбие и оседлость. Этот образ также используется с целью подчеркнуть патриотизм лирического героя:

Сандугачлар мәлле сайрый.
Аккошлар килеп китә.
Туган илен соры тургай
Гомергә якын итә.
Мин дә мәңге калыр идем
Сыенып куеныңа.
Син какмасаң туган илем
Тургаң булып кына [Утяшева, с. 3].

Внешний вид дикой птицы нередко служит основанием при номинации человека, например цвет и форма глаз голубя: *кәптәргүс*. – *глаз (как у) голубя*; ср.: *голурь* в узбекском, *кәптәр* в уйгурском, *кабӯтар* в таджикском (о человеке с круглыми глазами голубого цвета); толщина ног трясогузки: *кәмәцә*, *кәмәцә сыйрақ* (о человеке с тонкими ногами); общий внешний вид одной из пород уток: *цыплай* (о полном человеке с короткими кривыми ногами). Этимология данных наименований заслуживает специальных исследований. Остановимся лишь на интерпретации происхождения слова *кәмәцә*. По нашим предположениям, данная лексема содержит основу *кәмә* 'лодка' и аффикс *-цә* (литер. *-чә*). Мотивированность основы раскрывается в примете, связанной с этой птицей: *Кәмәцә килепте, кәмә йул төшәте игән*. – Тря-

согузка прилетела – значит, лодочная дорога появится. Как известно, водный путь до сих пор актуален для сибирских татар. В заболоченной местности лодка является единственным сезонным средством передвижения. Более того, этим целям служат искусственные каналы, соединяющие озера между собой.

При сравнении наименований вторичной номинации в татарском литературном языке, просторечии и тоболо-иртышском диалекте наблюдается смысловая конкретизация: адекватив *чүрәкэй* ‘чирок’ в значении «низкорослый» [Татар теленең аңлатмалы сүзлеге, с. 673] и *цөрәгэй* – «худощавый человек маленького роста» [Тумашева, с. 241]. Просторечное *бүдәнә* ‘перепелка’ используется в значении «полный человек низкого роста» с уничижительным оттенком, а его фонетический вариант *пүтәнә* – «шустрый человек маленького роста». Лексема *торна* ‘цапля’ используется в сочетаниях *торна сыйрак* в значении «длинноногий человек», *торнакай* – «высокий человек» [Татар теленең аңлатмалы сүзлеге, с. 550], *тас торна* (‘лысая цапля’) – «высокий мужчина с маленькой головой на длинной тонкой шее».

В фольклорных произведениях сибирских татар мы сталкиваемся с явлением антропоморфизма, который позволял человеку жить в согласии с природой, быть неотъемлемой частью мироздания. Круглый год песни и стихи сопровождали тяжелый труд крестьян. Например, во время ручной жатвы женщины от лица перепелки приговаривали:

*Пүт-пүтек, пүт-пүтек,
(Имитация пения перепелки)
Арыш-пятай пеишгәнтә,
Когда созревает рожь с пшеницей,
Урылтық та қырылтық.
Мы попали под серп и кончились.*

Имитация пения перепелки наталкивает на мысль о том, что лексема *пүтәнә* образована на основе звукоподражания *пүт-пүтек*.

В говорах заболотных татар человека с рыжим цветом волос называют *сары царлах* ‘желтая чайка’. В основе семантического переноса находится, видимо, несуществующий объект.

В татарском языке образ кукушки связан с одиночеством, бездомностью, бестолковостью: *күке* – человек, переселяющийся из одного места в другое [Татар теленең аңлатмалы сүзлеге, с. 329]: *оясыз кәкүк* – ‘бездомная кукушка’, *токымсыз күке* – 1) старый холостяк; 2) горе-

писатель (который ничего не пишет); *тиле күке* – ‘бестолковый’; *пүтрау күкесе* – ‘говорить невпопад’ [Сафиуллина, с. 202]. Кроме того, кукушка ассоциируется с женщиной, бросившей своего ребенка, семью – *кәвек*: *Әлеге кәвегеб⁶ес тага палларын иренә қалтырып цыгып китенте. – Та наша кукушка опять ушла, оставив детей мужу.* В приметах кукушка ассоциируется с предвестником беды, смерти: если кукушка сядет на столб или заденет крылом человека, беды не миновать. В этом случае столб или человека моют молоком, которое нейтрализует отрицательное воздействие.

Среди охотников существует мнение о том, что в лесу живет птица *кәвек йанцық* ‘бок кукушки’, которая высиживает яйца кукушки. Видимо, данное представление лежит в основе переноса *кәвек йанцық* ‘подхалим’: *Қаң паратан, кәвек йанцықланып йөрәмә. – Исчезни отсюда, не подхалимничай.*

Метафорическим обозначением глупого человека являются фразеологизмы с компонентом – наименованием птиц небольшого размера, соответственно с маленькой головой – вместилищем мозга, например: *тавык* ‘курица’: *тавык мие эчкән, тавык баш* ‘куриные мозги’ [Там же, с. 222]. Тобольскими и вагайскими татарами используется фразеологизм *цел мейә* ‘мозг рябчика’ в значении «очень глупый, тупой человек» с оскорбительной коннотацией: *Цел мейә пулгац цел мейә, ицмаса исәп-китапны аңламайты. – Мозг рябчика так уж и мозг рябчика, хотя бы счет и письмо не понимает.* Происхождение слова *цел* связано со звуками, которые издает птица. Ассоциативная связь заключается в представлении о маленьком размере мозга курицы, по сравнению с которым мозг рябчика кажется еще меньше.

Фразеологизм *қойрықсыс савысган* ‘бесхвостая сорока’ образно характеризует лживого человека: *Ник аңа эшәнсен, ул қойрықсыс савысган гуй. – Зачем ему веришь, он ведь бесхвостая сорока.* Лексема *қойрық* ‘хвост’ ассоциируется с тем, за что можно схватиться, поймать. В данном случае *қойрықсыс* говорит об отсутствии конца, а сам фразеологизм имеет оскорбительный оттенок.

Положительная коннотация присуща номинациям *сандугач* ‘соловей’ и *аққош* ‘лебедь’, которые характеризуют музыкальный дар и грацию человека: *Себер сандугачыб⁶ыс Сәкинә киленте. – Наша сибирская соловушка Сакина приехала; Аққош апаегыс та қартайа*

пашлапты. – *Ваша тетя лебедь тоже начала стареть.*

**Номинации человека с компонентами –
наименованиями домашних птиц**

К домашним птицам относится *тавык* (общетюркское слово), *цеб^е* ‘курица’, *қурас* ‘петух’ (ср.: древнетюркское *kür* ‘смелый, отважный’ [Древнетюркский словарь, с. 328]), *ұртәк* ‘утка’ (древнетюркское *ödiräk, ördäk* [Там же, с. 388]), *майган* ‘утка’ (ср.: древнетюркское *тајуиқ*: 1. кривоногий (о человеке); 2. неспособный быстро бегать (о животном) [Там же, с. 335]).

Фразеологических единиц с компонентом *тавык* в татарском языке немало. Они характеризуют человека с разных сторон: *оя тавыгы, өй тавыгы* – о человеке-домоседе; *тавык йөрәк* – о трусе; *тавык миә эчкән, тавык баиш, сукыр тавык* – о глупце; *каткан тавык, бөрешкән тавык* – о чувствительном к холоду человеке. В тоболо-иртышском диалекте распространены фразеологизмы *тавык паш* – ‘куриная башка’ и *цеб^е күс* – ‘глаз (как у) курицы’, называющие глупого человека или человека, который не видит в темноте. Второй пример является диалектным, синонимичным фразеологизму *тавык күз* ‘куриная слепота’. Характеризуя агрессивного, склонного к нападкам человека, используют сочетание *қурық тауык* ‘наседка’, которое содержит негативную оценку. Как известно, во время высидивания яиц наседка ведет себя беспокойно, что легло в основу метафорического переноса.

Задиристость петуха лежит в основе семантического переноса в лексемах *этәч* и *қурас* в следующем примере: *Нимә қурасланасын, көңөң кәнәйеп киттемә? – Зачем петушишься, сил у тебя прибавилось?* Лексема *ұртәк* имеет развитую семантическую структуру и может обозначать утку, человека, который ходит вперевалочку, человека, который говорит в нос.

**Номинации человека
с компонентом-ихтионимом**

Рыболовство играет важную роль в жизни сибирских татар, которые селились вблизи озер и рек. Лексеме *палық* (общетюркское *балык*) характерна огласовка *палых*, используемая заболотными татарами. Производное *палыхлау* ‘ловить рыбу’, употребляемое в тевризском говоре, в тобольском и заболотном говорах имеет синоним *аңтыну / аңтыу* (*аң* ‘охота’; ‘лось’; ‘зверь’) [Тумашева, с. 25], [Большой диалектологический словарь, с. 46].

По поведению или состоянию рыб сибирские татары предсказывали природные явления: *Палықның эцентә қан пулса, көн посық пулаты; эцентә қан пулмаса, көн аңық пулаты. – Если внутри рыбы кровь, то будет ненастье; если крови нет, то будет хорошая погода; Яңқыр алтынта палық сов өстөнтә сикерәте. – Перед дождем рыба над водой прыгает; Күл туңыр алтта палық ойышаты. – Перед замерзанием озера рыба начинает сбиваться в кучу.*

Номинации человека с компонентами *палық* ‘рыба’ и *уылтық* ‘икра’ представлены фразеологизмами *палық күс* ‘глаз (как у) рыбы’ – о человеке с глазами навывкате и *уылтық қапчық* ‘мешок (для) икры’ – о полном мужчине с большим животом. Например: *Палық күс тиләмә кеше арага кермәйтеген. – Рыбий глаз постоянно на людях не бывает; Уылтық қапчық утырып қуйса, қорсағы туб^еығына йататы. – Если икряной мешок сядет, то его живот на колено ложится.* В основе переноса лежит внешний вид глаз рыбы и специального мешка, сшитого для соления икры. Такие мешки изготавливали во время весенней рыбалки на озере. Наловленную рыбу сортировали на крупную и мелкую, разделявали и солили рыбу и икру отдельно. В итоге получали вяленую рыбу маленького размера – *кәцел*, большого размера – *қақ палық* ‘сухая рыба’ или *қушақ* (от глагола *қушу* ‘соединять’, при вялении две рыбы связывали вместе). Например: *Кәцелцәкнең теле пулмаса, үсе күренмәс тә ите. – Если бы у маленькой вяленой рыбы не было языка, то ее не было бы видно; Қақ палыққа прас ит қуныпты гуй. – В вяленой рыбе немного мяса прибавилось.* На сходстве худого человека с вяленой рыбой маленького или большого размера образованы номинации *кәцел* ‘худой человек небольшого роста’ и *қақ палық* ‘худой человек’.

Полнота тела, обычно мужчины, ассоциируется с жирным карасем или осетром, отличие состоит в степени полноты: *май таб^{ан}* ‘мужчина здоровой полноты’ с положительной коннотацией и *того* ‘человек большой полноты’ с отрицательной коннотацией. Лексема *того*, по мнению А. Р. Рахимовой, восходит к древнетюркскому корню *тог-того* в значении «закругленный, тупой, не острый» [Рахимова, 2001, с. 44].

Номинации человека с компонентом *цуртан* ‘щука’ (общетюркское *чортан*) представлены фразеологическими единицами *тоң цуртан* ‘мерзлая щука’ – о равнодушном,

холодном человеке и *цуртан теиш* ‘зуб щуки’ – о человеке с длинными острыми зубами, зафиксированные в говорах заболотных и вагайских татар: *Корман павай – перттэ эремэйтхен тоң цуртан.* – Дядя Курман – совсем не тающая мерзлая щука; *Цуртан теиш кийәүгә парыпты.* – Зуб щуки замуж вышла. Перенос, несомненно, заключается в семе *тоң* ‘замороженный’, но основным критерием в переносе, на наш взгляд, является образность, которая передает устойчивость к внешним воздействиям: мерзлая рыба и безучастный человек. Следовательно, житейский опыт лежит в основе образно-ассоциативного переноса. Образность присутствует и во фразеологизме *цуртан теиш*, поскольку отличительным признаком хищной рыбы являются иглообразные зубы.

В говорах заболотных татар слово *лерге* ‘гольян’ в сочетании с лексемой *пала* используется в значении «ребенок»: *Нешишәгә партым: керәлматым, амыллары тың тегәнәхле, пергенә лерге пала йетем тип.* – Была в Ишменево: не смогла войти, в деревне их очень много колючек, одного только малька гольяна съела [Мультимедийный корпус татарских народных говоров Тюменской области].

Лексема *лерге* (заболотный говор) / *ларге* (тевризский говор) является финно-угорским заимствованием – «хантыйское *ларег* (ерш)» [Рахимова, 2001, с. 46]. Семантический перенос осуществлен, во-первых, по размеру рыбы, которая достигает в среднем 10–15 см, и, во-вторых, использованием лексемы *пала*, указывающей на возраст.

Номинации человека с компонентами – наименованиями насекомых

В тоболо-иртышском диалекте лексема *қорт* / *горт* (древнетюркское *куру-т*) используется и в широком значении – «насекомое», и в узком – «червь». Однако семантическая наполняемость лексемы в народных говорах не ограничивается данными значениями. Известен пример употребления слова в составе словесного комплекса *вақ қорт қайван* ‘мелкий скот’ в говорах тюменских татар. Вместе с тем *қорт* активно участвует в образовании народной терминологической лексики: в говорах заболотных татар – *қармақ қорт* / *қармах қорт* ‘удочное насекомое’; в барабинском диалекте – *қызыл қорт* ‘красное насекомое’, ‘червь’; в тоболо-иртышском диалекте – *кәйә горт* ‘моль’ [Большой диалектологический словарь, с. 416].

В народных говорах используются с негативной коннотацией фразеологизмы *қортлы тел* (букв.: ‘язык с червями’) – ‘болтун’, *қортлы тамақ* (букв.: ‘горло с червями’) – ‘пьяница’. Компонет *қортлы* ассоциируется со множеством копошащихся существ, которые доставляют дискомфорт, потому побуждают к какому-либо действию. Другие компоненты – язык и горло – воспринимаются как органы говорения и глотания соответственно. Ср.: *тамагын бет ашығй* [Исанбет, с. 105].

Номинации человека с компонентом-наименованием *пет* ‘вошь’ (общетюрское *бйт*) достаточно широко используются в тоболо-иртышском диалекте. С проблемой педикулеза сталкивались многие народы на протяжении столетий. Мужчины брили себе и детям голову с целью избавления от кровососущих паразитов.

В народной мудрости данное насекомое предстает как нечто привязчивое (*бет кебек ябышу* – ‘цепляться как вошь’) и участвует в создании негативного образа мелочного, жадного и распущенного человека: *бет чәйнәгән, бет(ен) ашаган, бете котырган* [Татар теленәң аңлатмалы сүзлеге, с. 83]. Кроме того, признак насекомого «мелкий, маленький» трансформируется в «незначительный, нестоящий»: *бет ачуын туннан алу, петкә үңәшеп тунны утқа яқмассын.*

Диалектные фразеологизмы с компонентом *пет* характеризуют человека со стороны внешнего вида: *пет пит* ‘лицо (как у) вши’ – о бледном человеке и речевой деятельности: *петле амыс* ‘вшивый рот’ и *петле тел* ‘вшивый язык’ – о болтливом человеке. В основе семантического переноса первого компонента единицы *пет пит* находится ассоциация бледно-серого цвета вши с бледным лицом человека. Данные фразеологизмы отличаются экспрессивностью и образностью.

Номинации с компонентом-наименованием *серкә* ‘гнида’ (общетюрское *сиркә*) обозначают обидчивого человека, который не выносит замечаний: в литературном языке *серкәсе су күтәрми* [Исанбет, с. 71], в диалекте *серкәсе сытылган* ‘у него гнида лопнула’, *серкә* ‘обидчивый’. Наблюдается метафорический перенос наименования на основе образного сходства непрочности яйца с хрупким миром человеческих переживаний.

Номинации человека с компонентом-наименованием *цикерткә* ‘кузнечик’, ‘сверчок’ (древнетюркское *чекүргә*) представлены диа-

лектным фразеологизмом *цикерткэ күс* ‘глаз (как) кузнечик’ (о человеке с бессовестным, наглым, дерзким, бегаящим взглядом) и лексемой *цикерткэ* (о ребенке, который вмешивается в разговоры взрослых и ведет себя по-взрослому), имеющими отрицательную коннотацию. В первом примере перенос осуществляется по признаку хаотичности, на взгляд человека, движения кузнечика. Татары расценивают такое поведение человека как проявление невоспитанности. Во втором случае основой семантического переноса является ассоциация болтливости ребенка со стрекозущим насекомым. И в том и в другом случае присутствует раздражающий элемент.

Номинации человека с компонентами-наименованиями *цәннеге* ‘шершень’ (от древнетюркской глагольной основы *сән-, сан-, сайн-* ‘колоть’) и *цагуын* (от глагола *цагу* ‘жалить’) ‘шмель’ обозначают язвительного человека и реализуют сему «колкий». В основе переноса находится сравнение жала насекомого с колкими словами человека. В говоре татар села Куларово Вагайского района употребляется глагол *цагу* в значении «обвинять»: *Ша геше цагыпты мене. – Тот человек обвинил меня.*

Перенос значения по внешнему сходству представлен в номинациях человека *куңыс күс* ‘глаза-жуки’ – о человеке с большими и черными глазами (древнетюрк. *коңкуз, куңкуз, коңкур*) и *энәлек* ‘стрекоза’ – о худом человеке (от слова *энә* ‘иголка’, древнетюркская глагольная основа *ик-, йэк-* ‘шить’) с положительной и отрицательной коннотацией соответственно. Сгорбленного человека низкого роста, который еле-еле перебирает ноги, называют *йөнлө қорт* ‘гусеница’ (букв.: волосатый червь), при этом коннотация приближена к иронично-шутливой.

В основе семантического переноса находятся не только внешний вид, физическое состояние и проявление какой-нибудь деятельности насекомых, но и издаваемые ими запахи. Номинация человека с компонентами-наименованиями *тәс қантала* ‘клоп’ обозначает дурно пахнущего человека (общетюрк. *кандала, кандалай, кандагай*).

Таким образом, проанализированные лексемы являются продуктами вторичной номинации, большая часть которых впервые вводится в научный оборот. Концепт «зооним» как компонент языковой картины мира репрезентируется в культурном пространстве сибирских татар посредством вторичных номинаций челове-

ка. Лингвокультурологический анализ не только продемонстрировал самобытность изучаемого материала, но и позволил выявить этимологию диалектных наименований, которые нашли отражение в устном народном творчестве.

Диалект является хранителем исторической памяти народа, в нем гармонично сосуществуют древние элементы и результаты межъязыкового взаимодействия. При этом иноязычная единица может подвергаться переосмыслению, вследствие чего появляется вторичное значение.

Эмоционально-экспрессивная составляющая номинаций человека с компонентом-зоонимом выражена отрицательной и положительной коннотацией, которая позволяет обнужить идеальное представление о внешних и внутренних качествах человека в диалектной языковой картине мира.

Литература

- Аверина М. А.* Типы варьирования фразеологизмов с компонентом-зоонимом (на материале русского и английского языков) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 4. С. 340–343.
- Алишина Х. Ч.* Тоболо-иртышский диалект языка сибирских татар. Казань: Казан. пед. ин-т, 1994. 119 с.
- Антонова А. Р.* Специфика арабских и татарских зоонимических паремий, отражающих положительные качества человека // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. № 1–1. С. 229–237.
- Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М.: Язык русской культуры, 1999. 896 с.
- Аюпова Р. А., Сахибуллина К. А.* Оценочный компонент значения фразеологических и паремийологических единиц с компонентом орнитонимом (на материале английского, татарского и русского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 4–3 (34). С. 28–31.
- Большой диалектологический словарь татарского языка / сост. Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, З. Р. Садыйкова, Т. Х. Хайретдинова. Казань: Татарское книжное издательство, 2009. 839 с.
- Гайнетдинова Г. З.* Зоонимы в роли обращения на материале татарского и английского языков // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 4. С. 59–61.
- Галимова Д. Н.* Человек в метафорической диалектной картине мира // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 316. С. 11–14.
- Галиуллина Г. Р.* Татарская антропонимия в лингвокультурологическом аспекте: дис. ... докт. филол. наук. Казань, 2009. 403 с.

Геляева А. И. Человек как объект номинации в языковой картине мира: дис. ... докт. филол. наук. Нальчик, 2002. 307 с.

Гулик О. О. Гендерный аспект зооморфных метафор // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 2–2. С. 366–368.

Денмухаметова Э. Н. Зоонимы и фитонимы в татарских паремиях // Альманах современной науки и образования. 2011. № 1 (44). С. 181–185.

Закирова Л. А. Эмоция страха в зоонимной фразеологии (на материале английского, русского, башкирского и татарского языков) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2009. № 2. С. 36–38.

Замалетдинов Р. Р. Теоретические и прикладные аспекты татарской лингвокультурологии. Казань: Магариф, 2009. 351 с.

Исанбет Н. С. Фразеологический словарь татарского языка. В двух томах. Том II. Казань: Татарское книжное издательство, 1990. 365 с.

Кубрякова Е. С. Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. С. 90–93.

Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2010. 208 с.

Метельская Е. В. Актуальность лексических субстандартных единиц-зоонимов в воссоздании образа человека в англоязычной и русскоязычной субстандартной лингвокультурах // Гуманитарные исследования. 2011. № 4. С. 119–126.

Мехтиханлы С. Г. О фразеологических единицах русского и персидского языков с зоонимным компонентом, характеризующих человека // Гуманитарные исследования. 2014. № 2 (50). С. 22–26.

Мультимедийный корпус татарских народных говоров Тюменской области // Tobolskutmn.ru, 2017. URL: <http://tobolskutmn.ru/o-tyumgu/corpus2> (дата обращения: 16.02.2017).

Наделяев В. М., Насилов Д. М., Тенишев Э. Р., Щербак А. М. Древнетюркский словарь. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1969. 677 с.

Омер Б. Переносное значение зоонимов в турецких и русских пословицах и поговорках // Научные исследования: от теории к практике. 2015. № 2 (3). С. 150–154.

Рахимова А. Р. Лексика диалектов сибирских татар (сравнительно-исторический анализ промы-

словой и хозяйственной лексики). Казань: Мастер Лайн, 2001. 128 с.

Рахимова А. Р. Метафорические лексемы, характеризующие человека, в татарском языке // Филология и культура. Philology and Culture. 2015. №2 (40). С. 93–100.

Сакаева Л. Р. Фразеологизмы с компонентами зоонимами, описывающие человека как объект сопоставительного анализа русского и английского языков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 62. С. 43–47.

Самарин А. В. Зависимость степени образности концепта насекомое от описывающих его когнитивных классификаторов в русской и английской концептосферах // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2011. № 2. С. 176–181.

Серасхова М. Е. Зоонимы во фразеологии хантыйского языка приуральского диалекта // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2013. № 7. С. 214–224.

Тумашева Д. Г. Словарь диалектов сибирских татар. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1992. 255 с.

Шолина А. А., Смирнова Д. С. Зоонимы в русской языковой картине мира // Инновационная наука. 2015. № 11–1. С. 259–261.

Юсупова Э. С. Национально-культурная маркированность зоосемических фразеологизмов чеченского языка // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2014. № 4 (25). С. 81–85.

Сафиуллина Ф. С. Татарча-русча фразеологик сүзлек. Казан: Магариф, 2001. 335 б.

Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Казан: «Матбугат йорты» нәшрияты, 2005. 848 б.

Татар теленең этномәдәният сүзлеге: матди мәдәният лексикасы (ризык һәм савыт-саба атамалары) / Төзүче авторлар: Р. Р. Жамалетдинов, Ә. Ю. Юсупова, Г. Ф. Жамалетдинова, Р. С. Нурмөхәмәтова, М. Р. Саттарова, Г. Н. Хөснуллина / Тәржемәчеләр: А. Х. Әшрәпова, Л. Р. Мөхәмәтжанова, Л. Р. Мөхәрләмова, Л. Х. Шәяхмәтова. Казан: Казан университеты нәшрияты, 2015. 280 с.

Утяшева Ф. Шигырләр // Яңарыш. 1995. 18 май. Б. 3.

**ЗООНИМ КОМПОНЕНТЛЫ КЕШЕ НОМИНАЦИЯЛӘРЕ
(ТӨМӘН ӨЛКӘСЕ КӨНЬЯГЫНДАГЫ ТАТАР СӨЙЛӘШЛӘРЕ
МАТЕРИАЛЫ НИГЕЗЕНДӘ)**

Гүзәл Жәгъфәр кызы Фәйзуллина,
Төмән дәүләт университетының Д. И. Менделеев исемендәге
Тубыл педагогия институты (филиал),
Россия, 626150, Тубыл ш., Знаменская ур., 58 нче йорт,
utgus@mail.ru.

Мәкалә фәнни тикшеренүчеләрнең хәзерге вакытта игътибарын нык жәлеп иткән тубыл-иртыш диалектының зоонимнар метафоризациясен ачыклауга багышланган. Тереклек образлары (шул исәптән кошлар, бөжәкләр, балык атамалары) аркылы татарларның дөнья тел сурәтендә кешенең хезмәт сөючәнлек, гүзәллек, аһәңдәлек, тышкы матурлык, ахмаклык, таркаулык, яраклашу, тыйнаксызлык, бушлык һ.б. кебек эчке һәм тышкы сыйфатлары чагылдырыла. Сүзнең эчке формасын тышкы кыяфәт, физик сыйфатлар, гадәтләр, холык, дөньяны кабул итү үзенчәлекләре, атлап йөрү рәвеше, кошлар сайравы, ис тарату һ.б.ш. билгеләр тәшкил итә.

Төп төшенчәләр: метафоризация, себер татарлары, тубыл-иртыш диалекты, кеше номинациясе, зооним.